

## К ВОПРОСУ О РОМАНИЗАЦИИ ДАКИИ

Во II—III вв. н. э. северо-западное побережье Черного моря, устья рек Буга, Днестра и Дуная, территория современной Румынии, Молдавии, Бессарабии, Северной Болгарии и др. находились в руках римлян. Здесь был крайний северо-восточный угол Римской державы, состоявший из двух римских провинций—Дакии и Мезии.

Захватив берега Дуная, римляне продвигались отсюда на север. Римские купцы, легионеры и идущие следом за ними поселенцы несли римскую культуру и античную цивилизацию в эти отдаленные от Средиземноморья области. Именно через эти провинции римляне завязывали торговые связи с народами северо-востока Европы и пытались распространить свое влияние на территории современной Галиции и Украины. Здесь подготавливалась первая волна варварских нашествий, обрушившихся на границы Римской империи, и Дакия была первой из римских провинций, где под напором варваров дрогнуло и отступило Римское государство.

Сравнительно небольшой период времени, который охватывало господство римлян в Дакии (полтора столетия) и их успешный уход из нее связаны с особым характером романизации этой провинции и с особенностями социально-экономической политики, проводимой здесь римлянами. К сожалению, история римской Дакии очень мало привлекала к себе внимание историков.

Достаточно отметить, что на социально-экономическую политику римлян в Дунайских областях, на внутреннее устройство и особенности романизации этих провинций не обращает внимания ни одна из крупных вышедших за последнее время работ по истории Римской империи. Материалы дунайских провинций привлекались только для подтверждения каких-либо исторических концепций авторов, например в работах Ростовцева, по специальному изучению не подвергались. В фундаментальном труде Тенней Франка<sup>1</sup> по экономической истории Рима Дакии совсем не нашлось места, а в такой крупной работе универсального характера, как Кембриджская история, о Дакии говорится главным образом в связи с войнами, которые вели там римляне.

Однако источники, среди которых первое место принадлежит эпиграфическим и археологическим памятникам, дают нам возможность сделать ряд выводов об устройстве этой провинции и особенностях ее романизации.

Обширная и плодородная Валахская равнина и богатые драгоценными металлами горы Трансильвании еще задолго до Траяна, подчинившего эти области, привлекали себе взоры римлян. Но особенно серьезными стали столкновения римлян с даками

I в. н. э., когда союз дакийских племен возглавил Децебал. Война Домициана с даками продолжалась с 84 до 89 г., и в результате ее Децебал принужден был принять протекторат Рима. Окончательное завоевание Дакии произошло при Траяне, который с 101 г. вел с Децебалом две длительные и кровопролитные войны. В 107 г. войны закончились победой Рима, и Дакия в качестве новой провинции вошла в состав Римского государства. Сейчас же после завоевания туда потянулись из различных уже более или менее романизованных провинций массы колонистов, которые вместе с ветеранами стоявших там легионов составили основное ядро городского населения. Колонизация проводилась в широких размерах. Колонисты, привлеченные богатствами новой провинции и обилием земли, прибыли со всех частей Римского государства (E u t r o p., 8,6). Об этом же говорит и множество дошедших до нас надгробных посвященных и других надписей из Дакии. Они пестрят именами нелатинского происхождения и чаще всего восточными (CIL, III, 835, 861, 883, 914, 915, 917, 1222 и многие другие). Надписи дают нам свидетельства о жителях Дакии, родиной которых были Пергам (CIL, III, 1366), Галатия (CIL, III, 860, 1088), Фригия<sup>2</sup>, Кария (CIL, III,

<sup>1</sup> Tenney F r a n k, An Economic Survey of Ancient Rome, Baltimore, 1933—40, ч. I—V.

<sup>2</sup> «Dacia», Bucuresti, 1935—36, V—VI. 425.

859), Пальмира (CIL, III, 7954, 7693), Сирия<sup>1</sup>, Албания, Далмация (CIL, III, 1223, 1262, 1322, 1323; III, 2 tab. ser. VI, VIII) и Африка<sup>2</sup>.

Эти восточные жители привезли с собой веру в своих богов. Они объединялись в религиозные товарищества-коллегии, которые строили храм или даже несколько своему богу-покровителю, поддерживали его культ, воздвигали ему посвященные алтари. Нам известно, что в Дакии были: collegium Isidis (CIL, III, 882), collegium Iovis Taviani (860), collegium Asianorum (870), collegium Galatarum (1394).

Необычайная пестрота населения и связанное с ней распространение множества различных религиозных культов, известный синкретизм религий—является одной из особенностей романизации Дакии.

Хотя колонисты и старались держаться родственными по происхождению группами, все же не могло не происходить смешения национальностей. Надписи свидетельствуют о смешанных браках, причем один из супругов носит чисто римское имя, другой греческое или восточное (CIL, III, 1222, 1529, 1535, 1536).

Колонисты селились главным образом в городах. Для Дакии характерна очень широко проводимая римлянами политика урбанизации. Как и в других провинциях, города, образованные здесь, были одним из средств романизации, т. е. освоения провинции.

Римская Дакия знает два типа городских поселений: город, выросший вокруг римского лагеря, и разросшееся и превратившееся в город туземное поселение, причем характерным для городов римской Дакии является то, что основная их масса выросла вокруг стоянки римских легионов или вспомогательных когорт.

Стараясь обеспечить новую провинцию военными силами, римляне раскидывали в ней целую сеть лагерей и гарнизонов типа castra или castella. Они старались не устраивать стоянки войск в уже существующих городах<sup>3</sup>, а строили специальную лагерную стоянку по типу хорошо укрепленного римского лагеря. Она привлекала массу торговых и других элементов, которые селились у стен лагеря. Они строили здесь торговые и жилые здания, и постепенно вокруг лагеря возникало гражданское поселение. Надписи называют его «canabae legionis». Нам известно существование в Дакии canabae legionis XI Claudia в Дуросторуме (CIL, III, 7474) canabae legionis V Macedonica в Троэзмисе (CIL, III, 6166), canabae legionis XIII Gemina в Апулуме<sup>4</sup>. Там возникает своя администрация: magister primus in canabis (CIL, III, 1008), decurio canabensium (CIL, III, 1093, 1100, 1214). Постепенно эти прилагерные поселения так разрастаются, что принимают размеры и вид города. Яркий пример этому дают раскопки римской крепости Суцидава<sup>5</sup>. Здесь castellum возвышался на самом берегу реки Дунай. Непосредственно к его стене примыкал город, выросший из canabae, обнесенный каменной стеной с башнями по углам и окруженный рвом. Существование подобных же поселений, выросших рядом со стоянками воинских частей, доказывается археологическими раскопками, проведенными в Дробете, Ромуле, Капидаве, Барбоши<sup>6</sup>.

Наряду с основанием новых городов продолжали развиваться старые туземные поселения, укрепленные места, куда сельское население пряталось во время вражеских нападений и которые являлись центрами для торговых сношений. Подобные поселения изображены на рельефах колонны Траяна в Риме (картины XXVI, CVII, CVIII)

<sup>1</sup> CIL, III, 976, 873, 1301; АЕр., 1882, стр. 100, № 1.

<sup>2</sup> CIL, III, N. 7639; АЕр., 1882, стр. 23, № 45.

<sup>3</sup> Т. М о m m s e n, Die Römischen Lagerstädte, «Hermes», 1873, стр. 301.

<sup>4</sup> CIL, III, 1008, 1093, 1100; III, 2, tabul. ser. VII, АЕр., 1910, стр. 84 и 358.

<sup>5</sup> Отчет о раскопках опубликован в «Dacia», V—VI, стр. 387 сл.

<sup>6</sup> «Dacia», III—IV, 483; V—VI, стр. 341 сл.; «L'archéologie en Roumanie», Bucaresti, 1938.

ХСII, СХIХ)<sup>1</sup>. Среди римских городов, выросших из таких поселений, были Потаисса и Напока.

Сапабае, образовавшиеся из поселений торговцев вокруг лагерей, разрастались и превращались в богатые, цветущие города, которым римляне жаловали *ius municipii* и *ius coloniae*. При этом наиболее крупные и разросшиеся поселения получали «*ius coloniae*». Так, надпись, относящаяся к 139—161 г., называет Напоку муниципием (CIL, III, 860, 1100), а надпись 185—192 г. именует ее колонией (CIL, III, 865, 1141). Дробета является сначала муниципием, а перед 201 г. она возведена в ранг колоний<sup>2</sup>. Крупнейшее поселение Дакии Апулум, выросшее из сапабае, получило права муниципия при М. Аврелии (CIL, III, 986, 1132), а более поздние надписи называют его уже колонией, так же как и известная нам первоначально как сельская местность Потаисса, получившая права колонии при Септимию Севере<sup>3</sup>.

В процессе романизации в Дакии было образовано много центров торговли и культуры. Они являлись очагами романизации провинции, и естественна забота римлян о развертывании городского строительства в Дакии.

Города строились по римскому образцу—с амфитеатрами, термами, общественными зданиями. Архитектурные детали и скульптуры придавали им богатый и пышный вид.

Наиболее крупным из дакийских городов была столица Дакии Сармизегетуза, расположенная около современного местечка Várhely. Археологические раскопки в этом пункте обнаружили развалины цветущего провинциального города. Там были найдены остатки трех сирийских храмов, храмов, посвященных Митре, Юпитеру Долихену, Бел-Амону, Немезиде, Эскулапу и др. Обнаружено несколько построек частного характера, амфитеатр, бани и водопровод, который снабжал город водой с соседних гор.

Раскопки последних лет<sup>4</sup> обнаружили основание каменной стены лагеря, который, очевидно, был одним из крупнейших в Дакии и занимал площадь 324 000 кв. м. Его стены толщиной около 3 м были сложены из двух рядов каменных глыб, скрепленных известковым раствором, а основанием их служил фундамент из необработанных камней, связанных известью. Стены были окружены рвом. Вне лагеря, на расстоянии около 150 м от его восточной стены, была открыта часть постройки (5 комнат), которую Дайковичу называет, без особого, впрочем, на то основания, «*villa suburbana*». Приблизительно на таком же расстоянии от северной стены лагеря находился большой амфитеатр<sup>5</sup>, имевший в длину 88 м и в ширину 69 м. Он имел 5 ярусов, 4 главных входа и множество маленьких. В центре лагеря тщательным раскопкам подверглось большое здание *Aedes Augustalium*, сооруженное из камня и кирпича в середине II в. Постройка его была произведена за счет наиболее богатых жителей Сармизегетузы и особенно Процилия Нисеты... и его сына Регула<sup>6</sup>. Рядом с *Aedes Augustalium* помещался форум. В городе найдено множество барельефов, статуя женщины, каменные львы, основания колонн, капители, мозаичные полы и громадное количество надписей, подтверждающих кипучую жизнь города. Город сначала получил права колонии и стал называться *colonia Ulpia Traiana* (CIL, III, 1452, 1455), а в III в. он уже получил официальный титул *metropolia* (CIL, III, 1456).

<sup>1</sup> Cichorius, *Die Reliefs der Trajanssäule*, Bildertafel I—II, Berlin, 1896.

<sup>2</sup> *L'archéologie en Roumanie*, стр. 35; CIL, III, 1, стр. 251.

<sup>3</sup> CIL, III, 972, 982, 983, 1114, 1030. Ульпиан (Dig., 50, 15, 1, 8—9), перечисляя города итальянского права, пишет: *In Dacia quoque Zernensium colonia a divo Traiano deducta iuris Italici est. Zarmizegetusa quoque eiusdem iuris est: item Napocensis Colonia et Apulensis et Patavissensium vicus, qui a divo Severo ius coloniae impetravit.*

<sup>4</sup> Опубликованы в «*Dacia*», I, 237 сл.; III—IV, 516, сл. и *Daicoviciu, Sarmizegetusa in lumina săpăturilor*, Cluj, 1938.

<sup>5</sup> Описание амфитеатра см. Friedländer, *Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms*, Leipzig, 1910, II, 607; Daicoviciu, ук. соч., стр. 42 сл.

<sup>6</sup> «*Dacia*», III—IV, 517 сл.

Кроме Сармизегетызы в Дакии было вновь основано или заселено колонистами и преобразовано по римскому образцу множество других городов. Все они обычно располагались на торговых путях и военных магистралях, повсюду перерезающих провинцию, и наиболее крупные из них связаны со стоянкой гарнизонов (Дробета, Суцидава, Ромула, Апулум, Оэскус).

Дробета<sup>1</sup> первоначально была единственной римской крепостью на левом берегу Дуная. Очень быстро около нее выросло гражданское поселение. Множество живших там торговцев обслуживало не только нужды легионеров, но и торговало с окружающими дакийскими племенами. Кубичек<sup>2</sup>, основываясь на надписи СІL, III. 1581, полагает, что Дробета имела римское городское право уже со времен Флавиев. Раскопки, проводившиеся в Дробете, обнаружили остатки римского лагеря и развившегося около него города. Фрагменты статуй и архитектурных орнаментов дают некоторое представление об его богатстве и внешнем виде. Были открыты термы с палестрой, постройка которых относится ко времени дако-римских войн Траяна. В городе и лагере найдено множество посвячительных надписей.

О богатстве дакийских городов и их архитектурном оформлении нам говорят архитектурные остатки, фрагменты статуй и рельефов, открытых археологами. О внешнем виде городов, воздвигнутых при Траяне и Адриане на Дунае, и о типе их построек мы можем также судить по раскопкам города, называвшегося *Néapolis près 'Istros*, которые провел Seuer в 1900 г.<sup>3</sup> Особенно ценны в этом отношении многочисленные монеты, чеканенные в этом городе и запечатлевшие внешний вид построек, городских ворот и окружной стены<sup>4</sup>. Хотя этот город и не принадлежал к Дакии, а относился сначала к Фракии, затем к Мезии, он не может сильно отличаться от одновременно с ним возникающих и развивающихся городов соседней провинции. Город был основан Траяном после победы над даками<sup>5</sup>. Местоположение его так же, как и всех дакийских городов, выбрано очень удачно. Он стоит близ Шипкинского перевала на том же пути, что и Оэскус, Суцидава, Ромула, и торговцы, едущие из Дакии во Фракию, не могли его миновать. Мы видим здесь каменную стену с высокими башнями<sup>6</sup> и четырьмя воротами различного типа. Были найдены термы с глиняными трубами водопровода, подобные открытым в Апулуме, остатки крытых галлерей с фронтонами, украшенными барельефами и с портиками. Монеты сохранили нам изображения фасадов различных храмов, украшенных гладкими и витыми колоннами, и здания с двойным рядом колонн,—вероятно, палестры. Подобного же типа здания, украшенные колоннами, статуями и рельефами, от которых сохранились лишь отдельные фрагменты, были и в дакийских городах.

Римляне не только строили в Дакии города, они перенесли туда свои административные порядки и налоговую систему, они организовали там, как во всех римских провинциях, городское управление по римскому образцу.

Основными органами администрации городов были городской совет декурионов и коллегия II viri или IV viri. Кроме того, имелись два квестора, заведывавшие городской кассой, и эдилы, смотревшие за городскими публичными сооружениями. Члены городского совета должны были избираться из римских граждан.

Здесь мы сталкиваемся со своеобразным, характерным только для Дакии явлением, которое свидетельствует о роли римского войска в колонизации этой провинции и подчеркивает значение военного элемента в ее городах. Среди членов городского самоуправления здесь встречаются военные чины: praefectus cohortis, eques equo-

<sup>1</sup> L'archéologie en Roumanie», Bucuresti, 1938, стр. 7 сл.

<sup>2</sup> «Drobeta in Dacia», «Klio», 1917, X, стр. 253 сл.

<sup>3</sup> RA, 1907, 257 сл.; 413 сл.

<sup>4</sup> P i c k, Die Antiken Münzen von Dacien, Berlin, 1898. Фотографии монет: табл. III, №№ 20, 23, 26 (1331, 1982, 1719) и табл. XX, №№ 13, 14, 16, 17, 22, 23 (2002—2004, 2085; 2107, 1321).

<sup>5</sup> A m m. Marcellini, XXXI, 5, 16.

<sup>6</sup> M a t t i n g l y, Roman coins, табл. LIII.

publico; legatus legionis, centurio legionis, а также miles legionis и ветераны, которые являются II viri quinquennales, quaestor, aedilis, decurio coloniae, decurio municipii, decurio sanabensium и др.<sup>1</sup>.

То же самое можно сказать о патронах городов. Так, патроном Сармизегетызы был tribunus militum (CIL, III, 1463), патроном Поролиссума был eques publicus и miles, он же был фламином Сармизегетызы и декурионом Апулума (1486). Legatus Augusti, он же legatus legionis XVI Flaviae и tribunus laticlavus legionis III Scythicae, был curator rerum publicarum в Апулуме (1178). Фламинами Сармизегетызы были perfunctus omnibus equestribus militiis, praefectus cohortis и eques equo publico (CIL, III, 1198, 1482, 1486).

Большая прослойка военного элемента в городах Дакии и особенно широко распространенный обычай участия военных в городском самоуправлении, чего почти нет в других римских провинциях, является одной из особенностей романизации Дакии и подчеркивает военный характер этой провинции.

Жители городов разделялись по трибам<sup>2</sup>, которые распространяли свое влияние и на прилегающую к городу сельскую местность, или vicus (REr, 1934, 104). А территория городов вместе с прилегающей к ней сельской местностью делилась, в свою очередь, на pagi, во главе которых стояли magistri и praefecti (CIL, III, 7847, 1407).

Интересно существование среди населения дакийских городов, кроме уже названных, товариществ, коллегий, объединивших выходцев из одной местности, также объединений по профессиям—коллегий, которые часто бывали очень многочисленны. Наиболее крупные из них разделялись на декурии. Так, например, коллегия fabrum имела не меньше 13 декурий в Сармизегете (CIL, III, 1431, 1493, 1494, 7905, 7960) и 11 декурий в Апулуме (CIL, III, 1043). Эти коллегии носили тоже религиозный характер, но, кроме того, они могли иметь своей целью защиту профессиональных интересов. Каждая из них имела свой храм, свое кладбище, архив, знамя, кладовые. Она устраивала собрания и коллективные праздники. Общей кассой коллегии управляли два квестора. Каждый член коллегии уплачивал денежные и натуральные взносы. Семья умершего члена коллегии получала пособие на похороны из общей кассы. Из надписей нам известно существование в Дакии многих профессиональных коллегий. Так, коллегия мастеров (collegium fabrum—CIL, III, 1209, 1210, 1212 и др.) включала различные ремесла, и представители ее были повсюду; коллегия ткачей шерсти (collegium centonarium—CIL, III, 2107, 1174) была особенно сильна в Апулуме. Кроме того известны: коллегия корабельщиков (collegium nautarum—CIL, III, 1209), которые экспортировали соль и лес по р. Марош и ее притокам; коллегия торговцев (collegium negotiatorum—CIL, III, 1500), коллегия паромщиков (collegium utriculariorum)<sup>3</sup>, коллегия носильщиков (collegium lecticarium—CIL, III, 1438), которая особенно сильна была в Сармизегете, коллегия рабочих золотых рудников (collegium aurariarum—CIL, III, 941). Во главе каждой коллегии стоял magister (1016).

Патроном коллегии являлся обычно представитель городского самоуправления. Так, patronus collegiorum centonarium был decurio et pontifex coloniae Apulensis (CIL, III, 1208); patronus collegiorum fabrum, centonarium et nautarum были: Augur coloniae Apulensis, II vir et augur coloniae Zarmizegetusae, decurio coloniae Drobetarum (CIL, III, 1209, 1217, 1083), decurio coloniae Zarmizegetusae (CIL, III, 984, 1051).

Среди жителей дакийских городов было большое количество купцов. Они явились в Дакию вслед за римским войском, и их деятельность способствовала скорейшей романизации провинций.

Еще задолго до покорения Дакии римские купцы завладели ее торговлей, они вывозили отсюда сырье и снабжали живших там варваров изделиями своего ремесла.

<sup>1</sup> CIL, III, 827, 1093, 1100, 1104, 1209, 1478, 1484, 1485, 1486, 1459, 1482, 6270, 7633, 7907, 12587; REr, 1927, 54 и 55; «Dacia», III—IV, 550.

<sup>2</sup> «Dacia», III—IV, 550.

<sup>3</sup> Известно существование у этой коллегии двух храмов (CIL, III, 944 и 1547).

После римского завоевания возможности купцов неизмеримо выросли. Дакия находилась на главном торговом пути из Черного моря в Адриатическое, через нее должна была идти торговля с северо-восточным варварским миром, и, кроме того, из нее можно было вывезти множество продуктов, ценных и необходимых как для Рима и Италии, так и для других римских провинций. Все города Дакии стали центрами торговли. Купцы из Дакии развернули оживленную торговлю как внутри самой Дакии, так и далеко за ее пределами, они действовали в Аквилее (CIL, V, 1047), в Салонах и Самофракии (CIL, III, 2086). В Дакию приезжали купцы даже из Сирии<sup>1</sup>.

Римляне вывозили из Дакии прежде всего продукцию ее золотых рудников. Кроме того, по многочисленным водным путям шли транспорты с солью, железом, медью, продуктами сельского хозяйства. В Дакию ввозилась различная керамика, как римская, так и малоазийская, и другие ремесленные изделия (предметы домашнего обихода, украшения и др.). Археологические раскопки в дакийских поселениях римской эпохи—Сармизегетусе, Тиноскуль, Пойана, Барбоши, Пискуль Крашани и др. свидетельствуют, что наряду с местной керамикой—как лепной, так и сделанной с помощью гончарного круга—встречается большое количество фрагментов импортной посуды высокого качества: краснолаковой, терра сигиллята, барботин. Особенно часто встречаются остатки импортных остродонных амфор, служивших тарой для вина, их остатки найдены во многих поселениях еще доримской эпохи, а клейма на ручках и горлах этих амфор позволяют датировать время их импорта, начиная с III в. до н. э.<sup>2</sup>

Для торговли с соседними варварскими странами дакийские купцы, вероятно, пользовались и ремесленными изделиями, произведенными в самой Дакии. О развитии там ремесла свидетельствует большое количество надписей начальников и членов ремесленных коллегий (*collegium fabrum*)<sup>3</sup>, которые включали в себя ремесленников различных специальностей. Надписи говорят о наличии этих коллегий в Апулуме (CIL, III, 975, 984, 1082 и др.), Сармизегетусе (CIL, III, 1431, 1504), Дробете (CIL, III, 8018), Тибускуме (CIL, III, 1553). Надо полагать, что они существовали и в других городах. Это их члены снабжали римские гарнизоны Дакии первоклассным оружием римского образца, а рабочих дакийских рудников—горным инструментом. При раскопках г. Пойана в слое римского времени обнаружены остатки значительной металлургической мастерской<sup>4</sup>. Изделия из дерева, кожи, драгоценных металлов, глиняная посуда и все другие виды ремесленных работ тоже были делом рук этих «fabri». Вероятно, большое развитие и могущество этой коллегии связано с тем, что fabri работали не только на внутренний, но и на внешний рынок. Археологические раскопки еще недостаточно производились как на территории самой Дакии, так и особенно в соседних с ней областях, и это дело археологии будущего—определить размеры и направления дакийского экспорта.

Развитию торговли способствовало сооружение римлянами тотчас вслед за завоеванием Дакии широко разветвленной сети новых дорог и мостов. Это было непременным условием быстрой и успешной романизации провинции и это же являлось одним из средств романизации.

Дороги связывали между собой многочисленные дакийские города и крепости, обеспечивали их быстрый рост и облегчали проникновение в Дакию римской цивилизации.

Траян придавал первостепенное значение постройке дорог в новой провинции

<sup>1</sup> АЕр., 1882, стр. 100, № 7.

<sup>2</sup> «Dacia», I, 130 сл.; 172 сл.; III—IV, 256 сл.; 346 сл.; 483 сл.; V—VI, 341 сл.; A n d r i e s e s c u, Piscul Craşani, Bucuresti, 1926.

<sup>3</sup> «Klio», 1910, № 11, стр. 495; № 13, стр. 496; № 2, 504; АЕр., 1897, стр. 45; CIL, III, 975, 984 и др.

<sup>4</sup> «Dacia», III—IV, 348.

и тратил на это большие средства<sup>1</sup>. В 111 г. он выпускает серию монет, посвященную новым дорогам (денарий с надписью S. P. Q. R. OPTIMO PRINCIPI—Via Traiana и изображением полулежащей женщины, которая держит в правой руке колесо<sup>2</sup>). Остатки этих прекрасных дорог во многих местах сохранились на территории современных Болгарии и Румынии до наших дней, и можно установить точное направление многих из них.

Еще до окончательного завоевания Дакии Траян поручил лучшему архитектору того времени Аполлодору Дамасскому возвести каменный мост через Дунай у с. Дробеты. Дион Кассий восхищается этой грандиозной постройкой, описывая ее так: «он состоит из 20 быков, сделанных из четырехугольных камней высотой 150 футов, не считая основания, и шириною 60. Эти быки были отдалены друг от друга на 170 футов и были связаны арками» (D i o C a s s., LXVIII, 13). Большой мост на каменных столбах, изображенный скульптором на рельефах колонны Траяна (карт. XCIX), возможно, и является этой постройкой<sup>3</sup>.

Проведенные в 1853 г. изыскания около Дробеты действительно подтвердили наличие там остатков большого каменного моста<sup>4</sup>. Строительство дорог и мостов, являвшееся одним из средств романизации провинции, способствовало, в свою очередь, быстрому росту городов.

Кроме городов, центрами распространения в Дакии римской культуры и порядков являлись также поселения горняков-колонистов, сконцентрированные вокруг рудников.

Дакия издавна славилась своими горными богатствами. Там имелись богатые залежи золота, серебра, меди, олова, железных руд, соли и мрамора, расположенные главным образом в горах Трансильвании: в бассейне рек Кэрэш, Самош и Аранош, по течению реки Марош и затем южнее, в районе истоков р. Темеш и по течению р. Дунай. Но больше всего славилась Дакия своими золотыми рудниками, которые были известны еще ее доримскому населению<sup>5</sup>. Это скрытое в недрах земли золото было одной из причин, заставивших Римскую империю оккупировать далекую и суровую задунайскую область. О ценности для римлян этих рудников говорит и та поспешность, с которой они возобновили добычу золота, как только захватили Дакию, и то внимание, которое Рим уделил проблеме квалифицированной рабочей силы, доставив туда специалистов-горнорабочих из других провинций.

Римское правительство заботилось о том, чтоб ничто не препятствовало бесперебойной работе рудников. Римляне возвели крепости в долинах р. Мароша и ее притоков, укрепив доступы к району торных разработок.

Наиболее интенсивно разрабатываемые в римское время золотые рудники находились в горах Трансильвании (районе современных Вереспатока, Рудэ и Залатны), на реке Аранош и ее притоках и у перевала Красной Башни<sup>6</sup>. Серебро являлось примесью многих горных пород Трансильвании, и римляне добывали его путем переплавки, о чем свидетельствует большое количество шлаковых куч, дошедших от рим-

<sup>1</sup> Dio Cass., LXVIII, 7: «Траян много потратил на работы во время мира (с даками.—И. К.), но самые значительные и самые необходимые расходы были на ремонт дорог, ворот и общественных зданий».

<sup>2</sup> Mattingly, Roman coins, NY, 1938, tabl. 38, N. 5.

<sup>3</sup> Sichorius, Die Reliefs der Trajanssäule, Textband III, Berlin, 1896, стр. 137.

<sup>4</sup> Xénopol, Histoire des Romains de la Dacie traïanne, Paris, 1896, I, 48.

<sup>5</sup> Золото Трансильванских рудных гор добывалось и служило средством торговли уже в середине I тысячелетия до н. э., что подтверждается находкой там греческих монет IV в. до н. э. и римских монет III в. до н. э., см. O. Davies, Roman mines in Europe, Oxford, 1935, стр. 201—204.

<sup>6</sup> Подробно о размещении римских рудников см. Davies, ук. соч., стр. 198 сл. и карту VI.

ского времени<sup>1</sup>. Наиболее значительные римские железные рудники были расположены в долине р. Сдерна, а медные—по р. Шуль и в Банате. При завоевании Дакии и превращении ее в имперскую провинцию все наиболее крупные и доходные из ее рудников перешли в собственность императора. Последний для управления ими назначил целый аппарат чиновников, во главе которого стоял вольноотпущенник императора, *procurator aurariarum*<sup>2</sup>. Его местом жительства был административный центр рудничного района г. Ампелум. Ближайшим помощником прокуратора был вольноотпущенник императора *subprocurator aurariarum* (CIL, III, 1088). Многочисленными чиновниками его канцелярии были те же императорские вольноотпущенники: *tabularii aurariarum dasicarum*<sup>3</sup> и *adjutores tabulariorum*<sup>4</sup>.

Прокуратор являлся высшим должностным лицом, возглавлявшим руководство рудниками. Он осуществлял контроль и через своих чиновников собирал *vectigalia* с откупщиков и арендаторов рудников. Он часто непосредственно руководил рудниками, особенно если там работали рабы или военнопленные<sup>5</sup>.

В многочисленных рудниках других частей государства римляне использовали для работы главным образом рабов. Известно также применение труда солдат и преступников. Но для Дакии характерна сдача рудников в аренду и применение труда свободных вольнонаемных рабочих. Это не значит, что римляне не применяли там других видов рабочей силы, но наряду с ними они широко развернули там свободную аренду. Вероятно, существовали крупные арендаторы, или откупщики, и мелкие свободные арендаторы. Одна надпись из г. Ампелума поставлена в честь императрицы Луциллы между 161 и 167 гг. некими «*lib(erti) et familia et leguli aurariarum*» (CIL, III, 1307). А еще в одной надписи встречается *M. Aurelius Maximus legulus* (CIL, III, N. 1260). Принимая во внимание, что во главе управления рудниками стояли вольноотпущенники, мы можем предположить<sup>6</sup>, что *liberti et familia*—это канцелярские чиновники, стоявшие во главе государственных рудников. Что касается определения *leguli*, то здесь существует несколько мнений. Юнг<sup>7</sup> называет их людьми, которые собственными руками добывали из рек золотой песок. Ксенополь<sup>8</sup> считает их рабами, которые использовались на работах в рудниках. Ростовцев<sup>9</sup> видит в них мелких откупщиков. И вполне правдоподобно, что откупщики Дакии, по своему положению приближавшиеся к чиновникам, объединились с чиновниками, управляющими рудником, чтоб поставить в честь какого-либо события памятник императрице. Вероятно, о таких же или более крупного масштаба откупщиках железных рудников говорится в надписи из Сармизгетузы<sup>10</sup>, относящейся к периоду 212—217 гг. Авторами ее являлись *conductores ferrariarum* Гаурий Гауриан и Флавий Сотерик.

Известны нам также и откупщики соляных рудников (*conductores pascui et salinarum*—CIL, III, 1363, 1209). Эти откупщики сдавали рудники в аренду более мелким арендаторам, которые тоже назывались *conductores* и которые эксплуатировали рудники с помощью своих рабов или свободных рабочих.

<sup>1</sup> Davies, ук. соч., стр. 206.

<sup>2</sup> CIL, III, 1312 (из г. Ampelum)—*M. Ulpio Aug. lib(ertis) Hermiae proc(urator) aurariarum*, который, очевидно, был назначен еще Траяном. То же, CIL, III, 1311.

<sup>3</sup> CIL, III, 1297 *Neptunalis*. Его же имя стоит в надписи CIL, III, 1313, но там он выступает уже как *procurator aurariarum*. Вероятно, мы здесь имеем дело с повышением в должности одного и того же чиновника.

<sup>4</sup> CIL, III, 1305; АЕр., 1882, № 41, стр. 106.

<sup>5</sup> Davies, ук. соч., стр. 11.

<sup>6</sup> Ростовцев, История государственного откупа в Римской империи, СПб., 1899, стр. 125.

<sup>7</sup> Jung, *Roemer und Romanen in Donaulaendern*, Innsbruck, 1877, стр. 35.

<sup>8</sup> Xenopol, *op. cit.*, I, 88.

<sup>9</sup> Ростовцев, ук. соч., стр. 125.

<sup>10</sup> «Klio», 1909, стр. 375—6.

В золотых рудниках Трансильвании были найдены восковые дощечки, содержащие договоры о найме рабочей силы (CIL, III, tab. ser., IX, X, XI). Один из них был заключен в октябре 163 г., другой в мае 164 г., у третьей дощечки сильно повреждено начало текста, и она датировке не поддается. Все эти три договора составлены специальными писцами по одной и той же форме с некоторыми вариантами в суммах, сроках оплаты и именах. В начале дощечки указывается дата ее составления<sup>1</sup>, затем писец сообщает, что он написал ее по просьбе нанимающегося, который сам не грамотен, что он отдает себя и свой труд в распоряжение предпринимателя (арендатора золотого рудника) и, начиная с этого дня до ближайших ноябрьских ид, должен получать в течение этого времени плату деньгами в сумме 70 денариев и съестными припасами. За это он должен предоставить вышеназванному предпринимателю свой труд здоровым и сильным. В случае, если против воли предпринимателя он захочет отказаться или прекратить работу, он должен заплатить предпринимателю за каждый неотработанный день по 5 сестерциев, отсчитываемых из общей суммы оплаты. В случае, если работе мешает наводнение, следует произвести расчет на законном основании. Если же предприниматель после того, как пройдет время, задержит уплату следуемого вознаграждения, он будет платить ту же сумму неустойки, за исключением трех просроченных дней. Существование установленной формы договора, где оговариваются интересы обеих сторон, и наличие специальных писцов, составляющих эти договора, свидетельствует о широком распространении в Дакии применения свободной рабочей силы в рудниках.

Среди найденных в рудниках восковых дощечек имеются торговые договоры о продаже раба (CIL, III, 2, tab. ser., VII), рабыни (VI) и половины дома (VIII), датирующиеся периодом 131—167 гг. Они свидетельствуют о развитой экономической жизни в рудничных поселках и доказывают принадлежность последних свободным арендаторам, имеющим собственность на жилище и рабов. Этими свободными арендаторами, вероятно, являлись многочисленные колонисты, приехавшие или привезенные в район дакийских рудников. Исследование имен, встречающихся на восковых дощечках и на надгробных надписях из Трансильвании, доказало, что многие горнорабочие были привезены сюда из Паннонии и Далмации<sup>2</sup>. Эти люди из горных областей были, вероятно, потомственными горняками, и их задачей было быстро наладить горное дело в Дакии. Кроме свободных рабочих, в дакийских рудниках могли работать также рабы, как частные, так и государственные, и преступники, высланные «ad metalla» и работавшие под надзором войсковых частей<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Лучше всего сохранилась дощечка CIL, III, 948, № X, опубликованная также с новыми комментариями, в издании Arangio R u i z, Fontes Iuris Romani anteiustiniani, pars III, Florentiae, 1943, стр. 466 сл.: Macrino et Celso cos. XIII Kal(endas) Junias. Flavius Secundinus scripsi rogatus a Memmio Asclepi, quia se lit[ter]as scire negavit, it quod dixit se locas[se] et locavit | operas s[ua]s opere aurario Aurelio Adiutori ex ha[c] die [in] idus Novembres proximas [(denariis) se]ptuaginta cibarisque. [Mercede] m. per [te]mpora accipere | debebit. S[ua]s operas sanas valentes [ede]re debebit conductori [s(upra) s(cripto)]. || Quod si invito condu[c]tore recedere aut cessare voluerit, da[re] | debebit in dies singulos HS V numeratos de sum[ma] m[erced]is. Quod si] fluor, impedierit, pro rata computare debebi[t]. Conduc[tor]i si tem[po]re peracto mercedem sol[v]endi moram fecerit, ead[em] p[ro]oena | tenebitur exceptis cessatis tribus. Actum Immenoso Maiori.

Titus Beusantis            Socratio            [M]emmius  
qui et Bradua            Socrationis        Asclepi.

<sup>2</sup> CIL, III, стр. 214 и №№ 1223, 1262, 1383; tab. ser., VI и VIII, а также сами названия местностей: Alburnus Maiori, vicus Pirustarum.

<sup>3</sup> О военном надзоре над работниками в рудниках см. «Klio», 1940, № 1, стр. 500, см. также J u n g, ук. соч., стр. 35 и D a v i e s, ук. соч., стр. 15. Подобный военный контроль над рудниками был и в Британии.

Техника горного дела у римлян стояла на значительной высоте. В рудниках Дакии найдено множество римских инструментов: клиновидные зубила, колотушки и каменные мельницы для размельчения горной породы, корыта для промывки руды. Найдено много осветительных ламп, которые вешались в нишах галлерей, гидравлические колеса и целый ряд других инструментов и приспособлений<sup>1</sup>. Для промывки руды на высоких местах римляне сооружали акведуки (как это мы видим на медных рудниках Tiszovizsa и Lubositu на р. Дунай).

Золото добывали главным образом из горных пород, прокладывая галлерей с помощью огня или железных инструментов. Чаще всего это были прямоугольные галлерей 1,22 м высотой и 0,76 м шириной, а иногда и более крупные<sup>2</sup>.

Металлы, добываемые в дакийских рудниках, вывозились в другие провинции. И если дакийские горные богатства способствовали развитию ремесла в других римских провинциях и в самом Риме, то местное ремесло в Дакии, находившееся главным образом в руках колонистов, т. е. развивавшееся под влиянием провинций, откуда эти колонисты прибыли, обслуживало местный рынок. Но, наряду с развитием горного дела и местного ремесла, Дакия продолжала оставаться сельскохозяйственной областью, питающей большое количество стоявших там пограничных войск.

Несмотря на большой размах строительства, дакийские города сохраняли черты аграрных поселений. Каждый город имел вокруг себя подчиненную ему сельскую территорию *vicus*. Она, в свою очередь, представляла как бы самостоятельное объединение, во главе которого стояли *magister vici* и *questor vici*<sup>3</sup>. Крестьяне этой сельской территории иногда объединялись, чтобы воздвигнуть в честь императора памятник с посявительной надписью<sup>4</sup>. Население этих сельских округов было различного происхождения. Те города, которые, как Потаисса, выросли из *vicis*, имели вокруг себя сельскую местность, населенную, вероятно, туземными жителями<sup>5</sup>. Города же, выросшие из военных лагерей, постепенно превратили окружающую их лагерную территорию в сельскую местность, населенную ветеранами и колонистами. У нас нет никаких свидетельств развития в Дакии крупного землевладения. Гораздо вероятнее будет предположить, что основные сельскохозяйственные районы Дакии, а именно Валахия, где в основном сохранилось туземное земледельческое население, продолжали сохранять старый, доримский порядок землевладения. Вообще романизаторская деятельность римлян слабо проникала в сельские районы Валахии. Техника сельского хозяйства и культивируемые там злаки продолжали оставаться старыми, а археологические раскопки в Валахии обнаружили очень мало признаков римского влияния в этой области.

Одной из особенностей романизации Дакии является то, что она касалась, главным образом, городов, связанных магистралями, и горнорудных районов и совсем не проникала в глубь провинции, в сельскохозяйственные области, населенные туземными земледельцами.

Следуя своей программе привлечения переселенцев для скорейшего заселения опустошенной провинции, римляне проводили в Дакии политику развития средней и мелкой земельной собственности. Несколько дошедших до нас эпитафий могут

<sup>1</sup> Davies, ук. соч., стр. 201—204.

<sup>2</sup> Там же, стр. 202.

<sup>3</sup> «Dacia», V—VI, 381—надпись из Caridava, а также эти должностные лица упоминаются в надписи из Добруджа, опубликованной в «Dacia», V—VI, 426.

<sup>4</sup> Так, например, в *vici* города Histria надпись в честь императора Гордиана: «Dacia», III—IV, 409.

<sup>5</sup> Надпись на мильевом камне—CIL, III, Suppl., 8060, найденная в сев. Дакии у Nagy-Almos и относящаяся к периоду после 236 г., говорит о (строка 7) *m(ilia) XVIa R...ul vico An[artorum]*. Здесь мы имеем дело с *vicus*, имеющим собственное название. Ростовцев («Gesellschaft und Wirtschaft...», стр. 339) считает, что это—сельское поселение туземцев. Упоминание о подобном же поселении он видит в надписи CIL, III, Suppl., 7633.

косвенным образом свидетельствовать о наличии средних землевладельцев. Например, CIL, III, Suppl., 13737: *Cocceius Vitales... et Coc. Julia coniunx eius... obiti ad villam suam... patri et matri bene merentibus titulum pasuerunt; 14214<sup>20</sup> Coc. Elius... obita ad vila sua<sup>1</sup>.*

Если не считать городов-крепостей, построенных римлянами вдоль р. Алюты, вся остальная Валахия почти лишена поселений городского типа. Здесь не было даже римских гарнизонов, и естественно, что здесь находили себе пристанище враждебные Риму элементы. Неудивительно, что серия надгробных надписей, поставленных на могилах убитых некими «разбойниками» (*latronibus*), относится к району Малой Валахии и Верхней Мезии (надписи CIL, III, №№ 1585—8021, 1579, 1559—8009, 8242 из *Zagaia, Mehadia, Slatina*). Убиты были высшие должностные лица города (*III vir, decurio* и *questor* Дробеты, которую надписи называют еще муниципием). Были ли эти убийства следствием восстания крестьян-туземцев, как это думает Ростовцев<sup>2</sup>, или просто результатом нападения ушедших в глубину Валахии и не желающих подчиняться римлянам даков, они произошли еще во II в. и, вероятно, в начале римского завоевания, когда сопротивление туземного населения было наиболее сильным и, конечно, являлись видом протеста против римского господства.

На Дунае мы впервые в римской истории встречаемся с чрезвычайно интересным явлением—переселением на римскую территорию целых варварских племен. Страбон (III, 10) рассказывает о переселении во Фракию 50 000 гетов. Из надгробной надписи наместника Мезии Плавтия Сильвана мы знаем о переселении им в Мезию «для уплаты дани более 100 000 задунайских варваров с женами и детьми, также со старейшинами и царями»<sup>3</sup>. Эта тенденция особенно усилилась при Марке Аврелии и следовавших за ним императорах. Дион Кассий рассказывает о переселении Сабинианом при императоре Коммодe 12 000 бурров на территорию Дакий (LXXII, 3). Возможно, о подобном же факте говорят известия о получении варварами после Маркоманской войны земель в Дакии, Паннонии, Мезии и т. д. (*Dio Cass. LXXI, 11 и 15*). Правда<sup>4</sup>, все приведенные выше цифры могут быть сильно преувеличены, но сами по себе факты очень интересны. В то время как во всей Римской империи происходит процесс превращения земледельцев в колонов, в Дакии сажают на землю как данников, а возможно и превращают в колонов, целые варварские племена. Этот факт, так же как и весь военный характер этой провинции, подчеркивает особое положение здесь римлян, их постоянную тревогу за спокойствие на границе, которая усиливалась волнениями внутри провинции.

Таким образом, можно заметить ряд особенностей в развитии Дакии после римского завоевания. Они выражаются в быстром росте городов двух типов, с преобладанием города-лагеря. Население этих городов состоит главным образом из колонистов, приехавших из различных частей Римской империи, и военных. Удельный вес последних очень велик, доказательством чего является большое количество поставленных ими надписей и характерное для Дакии явление участия военных в городском управлении.

<sup>1</sup> А также, может быть, надпись из Szamos-Ujvar—CIL, III, № 6247. Она, к сожалению, очень пестра и расшифровывается двояко—№ 6247: *Silvano Sacrum pro Sal. Cirulin (?) [in ag]ro eiusdem*. И другой ее вариант—№ 7637: *Silvano sacrum pro sal. Cl. Rufini Muro eiusdem*; таким образом, для окончательных выводов она пока не может быть использована.

<sup>2</sup> *Rostovtzeff, The Social and Economic History of the Roman Empire*, Oxford, 1926, стр. 546, прим. 21 и более позднее издание этой работы «*Gesellschaft und Wirtschaft im Römischen Kaiserreich*», Leipzig, I, 339 и II, 65.

<sup>3</sup> CIL, XIV, 3608. См. ВДИ, 1940, N. 3—4, стр. 87 (статья В. Н. Дьякова).

<sup>4</sup> О многочисленных переселениях варваров на римские земли в IV в. рассказывает *Amm. Marc. (XXXI, 4, 1; 4, 5; 4, 8)*, причем он подчеркивает, что, благодаря приему варваров на правый берег реки, в римскую казну будут стекаться громадные суммы.

Римляне прежде всего стремились развить в Дакии горнорудное дело и местное ремесло, причем поселения горняков, так же как построенные римлянами города и крепости являлись очагами романизации провинции. Широко разветвленная сеть дорог являлась артериями, по которым эта романизация распространялась, и развитие торговли способствовало ее распространению. Романизация коснулась, главным образом, западных и северо-западных районов Дакии, где было развито городское строительство. Сельское же хозяйство в основном сохраняло свой доримский характер. Прикрепление к земле земледельцев шло за счет переселения на свободные дакийские земли соседних варварских племен.

Будучи одной из последних захваченных римлянами провинций, Дакия испытала на себе влияние не цветущей и развивающейся римской культуры, как, например, Галлия, Африка и др., но культуры значительно уже варваризованной Римской империи<sup>1</sup>. Колонисты из уже романизованных провинций приносят сюда не чисто римскую культуру, а элементы ее, смешанные с национальными особенностями их родины.

Культура туземного дакийского населения также не могла не оказать влияния на развитие культуры новой римской провинции. Это влияние сказалось в изобразительном искусстве и особенно на надгробных памятниках. Их рельефы отличаются крайней примитивностью, отсутствием перспективы и стремлением к плоскостному изображению<sup>2</sup>. Особенно ярко это проявилось в духовной жизни провинции. На развитии дакийской религии сильнее всего сказалась пестрота национального состава колонистов. В Дакии множество восточных культов сталкивается с римскими и туземными. Дакийские надписи называют нам огромное количество имен италийских и восточных богов, которые почитались дакийскими жителями и стоявшими там легионерами<sup>3</sup>. Иногда, благодаря обилию божеств и получившемуся в результате этого синкретизму представлений, надписи посвящаются сразу всем богам, без перечисления их: *Diis deabus Daciae* (CIL, III, 996, 7746). Но особенно ярко эти элементы синкретизма проявились в появлении нового культа—«дунайского всадника». О существовании его свидетельствует множество найденных на Дунае изображений всадника в своеобразном, нигде больше не встречающемся костюме<sup>4</sup>; в руках у него флажок со знаком дракона—национальным дакийским значком, известным еще по рельефам колонны Траяна. Под ногами коня изображена фигура поверженного человека, а рядом—стоящая фигура женщины, которая как бы сдерживает лошадь. Иногда изображено два всадника и между ними женщина. Вокруг этих фигур расположены многочисленные их символы: рыба, солнце, луна, собака (или баран), ворон, деревья, змеи.

В этих изображениях находят черты местных примитивных верований, фракийского культа, культа Кибелы, Немезиды, Диоскуров, солнечных божеств, Митры.

Изображения дунайского всадника, вероятнее всего, были магическими амулетами, которые носили на теле, клали в могилы или хранили дома<sup>5</sup>. Синкретические черты культа «дунайского всадника» связаны с пребыванием в Дакии солдат из разных римских провинций и с широко проведенной колонизацией ее поселенцами из восточных провинций. Если на городской и материальной жизни провинции, насколько позволяют нам судить скромные данные источников, наиболее сильным было влияние Рима, который распространял более передовой способ производства и свою административную организацию, то в области идеологии более сильным оказалось восточное влияние.

*И. Кругликова*

<sup>1</sup> В и н о г р а д о в, Средневековое поместье в Англии, стр. 588.

<sup>2</sup> «Jahreshefte des Oesterreichischen archaeologischen Institut in Wien», 1902, V, Beiblatt, 94 сл.

<sup>3</sup> Подробно в работе J o n e s, The cults of Dacia, 1929.

<sup>4</sup> T u d o r, I cavalieri danubiani, Rome, 1937.

<sup>5</sup> RA, 1938, стр. 68 сл.